

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО РОССИИ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

ВАСИЛИЙ ШАКЛЕИН

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

Резюме

В течение почти двадцати пяти лет после распада биполярной системы ведутся дискуссии относительно параметров нового мирового порядка. Хотя в настоящее время все больше обсуждают перспективы полицентричного мира, Соединенные Штаты и большинство их союзников по НАТО сохраняют приверженность моноцентричной модели. Они действуют в соответствии с главной целью – закрепить такой порядок любыми способами вплоть до военного вмешательства в отдельные страны и регионы. Их действия уже имеют заметный результат: многие государства практически «выбиты» из активной внешнеполитической деятельности, а их будущее программируется в США. Россия остается в фокусе американской стратегии, так как она пытается сохранить свою роль в мировой политике и прикладывает усилия к созданию регулируемой системы межгосударственных отношений по периметру своих границ. Одним из важнейших вопросов остается обеспечение безопасности как самой России, так и соседних государств, в ряде из которых политика США и НАТО привела к нестабильности, политическому и социально-экономическому упадку.

Рост военной активности стран НАТО в мире и особенно в Евразии обосновывается аналитическими разработками «мозговых центров» и специалистов по международным отношениям, которые стремятся не только спрогнозировать, но и смоделировать будущее мира. Оно предстает в их прогнозах без России. Автор пытается проанализировать различные сценарии разрабатываемые американскими экспертами и ответить на вопрос о том, какова конечная цель выдвигаемых ими планов и рекомендаций.

Ключевые слова:

Россия; США; мировой порядок; милитаризация американской политики; новые типы войн; пропаганда; прогнозирование; мозговые центры.

В 2015 г. мир отмечает 70-летнюю годовщину создания Организации Объединенных Наций, остающуюся единственным действительно глобальным объединением, представляющим интересы всех членов международного сообщества и по существу это сообщество воплощающим. Главная цель ее основания состояла в том, чтобы не допустить новой большой войны – то есть войны между великими державами, предотвращать конфликты, обеспечить представительство и учет интересов всех стран,

независимо от их статуса, размера и ресурсной мощи. После окончания «холодной войны» в адрес ООН прозвучало немало критики и предложений по реформированию, но консенсуса по этим вопросам до сих пор не сложилось.

Зато все более заметной становились попытки другой влиятельной организации занять место Объединенных Наций: НАТО последовательно пытается обрести характер и предназначение глобального института, причем не только по решению проб-

лем безопасности, но и по трансформации мира. Однако западный блок никто не выбирал на эту роль: в известном смысле он самовыдвиженец. Серьезные выпросы вызывает его репрезентативность в отношении общих интересов международного сообщества и прежде всего общей устремленности к недопущению любых форм войны, сохранению и упрочению мира.

Организация Североатлантического договора, преследуя интересы своих членов, диаметрально противоположные принципам ООН, активно использует военные методы, зачастую отдавая им предпочтение по сравнению с другими, поощряет и нередко провоцирует конфликты и войны, использует «двойные стандарты». Удивительнее всего то, как ведут себя европейские страны, пережившие ужасы Второй мировой войны на своих территориях и вновь лелеющие надежды на то, что новая война обойдет их стороной, а весь удар примет на себя Россия. Но удар от кого? Очень тревожная и логически плохо объяснимая позиция.

Почему после 70 лет мирного времени война опять становится чем-то привлекательным и желанным для политических лидеров многих стран Запада? Почему так безмятежно говорят о возможных жертвах? Почему Россия оказывается в центре этих дискуссий и в фокусе политики США и стран НАТО, объявляется врагом и ответственной не столько за свои действия, сколько за последствия непродуманной и жестокой американской политики, поддержанной союзниками по альянсу?

Навязываемый России статус «плохого государства», нагнетание связанных с ней страхов и угроз (абсолютно мифических), усилия по превращению Европы в военный плацдарм с ракетами и системами ПРО почти на границе с Россией очень тесно смыкается с тезисом о ее скором «исчезновении» с карты мира, что можно встретить в публикациях многих амери-

канских авторов, трудящихся на ниве анализа и прогнозирования.

Хотя к любым прогнозам следует относиться спокойно, небезынтересно еще раз их вспомнить и связать с тем, что происходит в 2015 году, в контексте юбилейных дат, посвященных 70-летию окончания Второй мировой войны, кризиса на Украине и в странах Ближнего и Среднего Востока, общего ухудшения международной обстановки.

1

Многие американские эксперты-международники, работающие в парадигме неореализма и неолиберализма относят Россию к числу ведущих мировых держав, без которой не могут решаться глобальные проблемы современности¹. На официальном же уровне Россия упоминается не менее часто, правда, в ином контексте, скорее, как «страна-проблема», угроза, которую необходимо нейтрализовать. Ведется мощная информационная кампания по дискредитации России, голоса военных становятся все слышнее, а общественное мнение — все менее благоприятным.

Для американского дискурса характерен парадокс: Россия вроде бы неважна, скоро исчезнет с карты мира, но при этом в числе угроз — почти на первом месте. И если посмотреть работы отдельных аналитиков, то становится понятно, откуда проистекает такое противоречие. По оценкам американских и европейских специалистов, как «слабеющая и исчезающая держава (империя)» Россия опасна, ей надо помочь исчезнуть бесконфликтно, почти незаметно, без последствий для США. Это подается как неизбежность, а значит, при планировании будущей стратегии и будущего порядка Россию и ее интересы можно не учитывать, а лишь «помочь» закатиться за горизонт мировой политики.

Так, П. Ханна, активно работающий на поприще анализа глобальных процессов и

¹ Одной из последних работ по вопросам роли ведущих мировых держав, где представлена отличная от официальной американской позиции точка зрения, можно считать книгу под редакцией [Nadkarni, Noonan 2013].

конкуренции, в книге «Второй мир. Как растущие державы меняют характер глобального соревнования в XXI веке» посвятил нашей стране четыре с половиной страницы под названием «Упадок России». Дело, конечно, не в объеме, хотя хороший анализ по такой крупной и сложной стране на четырех страницах не сделаешь. Создается впечатление, что автор не смотрит на карту мира, не изучает историю, не был в стране, а наслушался дежурных и не очень профессиональных клише, которые и пытается выдать за анализ и прогноз. Он, в частности, пишет: «Окончились сверхдержавные дни России. Хотя она и остается самым большим нефтегосударством, ее экономика меньше французской. И хотя на бумаге она становится богаче, ее политика показывает, что благосостояние продлится недолго. Сегодня ЕС не позволяет России накладывать вето на политику Запада, и именно ЕС может заставить Россию присоединиться к Западу – и тем самым спасти ее от самой себя». А спасти ее необходимо потому, что «россияне умирают каждый год от холодных зим в своих неотапливаемых квартирах, задаваясь вопросом, куда делся весь российский газ». Автор делает вывод-приговор: «Если российская энергетика не спасет жизнь россиянам, России больше не будет» [Khanna 2009: 10-15].

Работа П. Ханна не содержит хотя бы какого-то приближения к реальной картине и не отвечает критериям политического анализа. Задаешься вопросом: кто такой этот так называемый специалист, так ярко демонстрирующий свою некомпетентность (или полное невежество)? А ведь на книгу даны положительные отзывы З. Бжезинским, Р. Капланом. Публицист Ф. Закария также поддержал коллегу и написал: «Захватывающее, яркое, и высоко интеллектуальное путешествие в новый мир». Можно было бы проигнорировать этого «гиганта мысли», но аналогичные рассуждения содержатся и в других работах.

В том же 2009 г. появилось еще одно произведение весьма известного аналитика Дж. Фридмана, которое он целиком посвятил прогнозу на грядущее столетие.

О России в нем уже больше страниц, но сценарий оказывается тем же: к 2020 г. России уже не будет как единого государства, а ее вооруженные силы придут в полный упадок [Friedman 2009: 101-119]. Дж. Фридман как опытный специалист представляет более аргументированный прогноз развития событий в мире, и отдельные его оценки совпадают с тем, что прописано во внешнеполитических документах США. Он верно констатирует, что позиция Соединенных Штатов и Европы в отношении России остается неизменной: не допустить российского доминирования в Евразии (как и любого другого, кроме западного), а лучше вообще навсегда избавиться от нее как от крупной, самостоятельной фигуры на международной арене. Вполне откровенно автор заявляет, что Запад расстраивает тот факт, что Россия не развалилась в 1990-х годах на небольшие страны, что окончательно решило бы «российскую проблему».

Дж. Фридман прямо пишет: «Если бы американцы, европейцы и китайцы вошли в Россию, чтобы ее «убить», российский вопрос был бы наконец-то решен». К сожалению, отмечает эксперт, в тот момент американцы были озабочены борьбой с терроризмом, европейцы были еще слабы и разобщены, а китайцы поглощены внутренними проблемами. Здесь Фридман неточен: проблема терроризма стала приоритетом американской политики в 2000-х годах, а в 1990-х среди американских экспертов существовало убеждение, что Россия настолько сильно ослаблена, что уже не сможет подняться, поэтому и не стоит тратить силы на ее добивание. Об этом некоторые американские политики горько пожалели позднее, сокрушаясь, что не воспользовались моментом слабости России.

Что касается Европы, то в 1990-х годах, да и позднее, у большинства стран региона не было готовности к новой конфронтации, этим горели только отдельные государства Центральной и Восточной Европы (такие, как Польша), а также Прибалтики. Напротив, началось интенсивное экономическое взаимодействие

России и ЕС, и лишь мощный гаран американской политики по расширению НАТО и превращению Польши в плацдарм новой войны с Россией вновь начал медленно превращать общеевропейскую политику в антироссийскую².

Дж. Фридман верно отмечает, что цель американской стратегии – не большая война с Россией, а создание узлов противостояния на ее границах, которые бы отвлекали ее внимание и силы, не позволяли ей действовать глобально. В качестве инструментов этой политики он называет Польшу и страны Балтии. По мнению аналитика, к 2015–2020 годам возможно создание нового блока бывших советских сателлитов, который будет действовать более агрессивно. Данная мысль не нова – концепция превращения Польши в «новую европейскую великую державу» и главный плацдарм НАТО в оппозиции России прорабатывалась еще в начале 1990-х годов и тогда же начала реализовываться американским правительством.

Таковыми же «узлами противостояния» должны стать Кавказ и Центральная Азия. В результате России придется реагировать на вызовы по всему периметру своих границ, что, по мнению автора, в сочетании с внутренними проблемами, приведет к распаду страны.

При этом Дж. Фридман не скрывает, что такой сценарий устроит и Америку, и Европу, особенно все же Соединенные Штаты, вокруг которых, как он считает, будут вращаться основные события XXI века. История нового столетия будет историей Америки (в интерпретации политических деятелей США – «золотым веком»). В такой трактовке хорошо просматривается снобизм и схематичность многих американских оценок. Мировая история никогда не была тождественна опыту одной державы, даже очень могущественной, оказывавшей определяющее влияние на многие

страны и процессы. Современная мировая политика столь многогранна и сложна структурно и содержательно, что даже США не под силу подмять ее под себя целиком.

Дж. Фридман называет американскую культуру «молодой и варварской», очень активной и мощной, против которой трудно устоять историческим великим державам. Действительно, перед варварами устоять нелегко. Однако, проводя такие аналогии, автор не учитывает, что на авансцену мировой политики вышли еще более мобильные и напористые силы, которые могут серьезно ограничить возможности США и гораздо эффективнее преуспеть в нанесении ущерба Америке. В такой ситуации можно было бы подумать не о том, как наращивать противоречия с Россией на всех направлениях, а объединить с ней усилия в предотвращении разрушительных трендов, исходящих с Юга, и из недр мировой экономики.

Удивляет и тот факт, что ни П. Ханна, ни Дж. Фридман не пытаются дорисовать до конца картину распада самого крупного государства в мире, включая действия разных игроков, в том числе США. Отсутствует перспективное видение и правдоподобная реконструкция общемировой и континентальной обстановки при реализации такого сценарии. Это свидетельство его надуманности, принятия желаемого за действительное без должного понимания степени ответственности за разрушение мирового порядка, которую несут США и государства-члены НАТО.

Тем не менее главной цели мастера прогнозов достигают. Постепенно формируется не только образ России «плохой», но и России «неизбежно уходящей в небытие», и в процессе этого ухода пытающейся «громко хлопнуть дверью». Такое вот прогнозирование. А у Фридмана общемировой прогноз вообще завершается большой войной (правда, без участия России,

² Концепцию превращения Польши в ведущую антироссийскую страну Европы разрабатывал в начале 1990-х годов ведущий сотрудник Фонда Карнеги (г. Вашингтон) Ш. Гарнетт, который полагал, что Польша должна занять положение, аналогичное тому, которое занимала Германия в годы холодной войны, стать страной «переднего края» НАТО [The New Russian Foreign Policy 1998: 91–95].

так как ее к 2050 г. уже быть не должно) и смыкается с риторикой представителей администрации Обамы, обескураживающих слушателей высокомерием и некомпетентностью, и с публикациями экспертов-международников, представляющих разные «мозговые центры». Предлагаемые прогнозы могут напугать, а значит, позволят правительству еще больше тратить на военные нужды, еще активней вмешиваться в дела других стран, расширять военное присутствие по всему миру, милитаризовать космос, мобилизовывать население и союзников против врага [Введение в прикладной анализ международных ситуаций: 32–45]. Многие жизненно важные проблемы выживания человечества теряются из-за растущего страха потерянности в нестабильном мире.

2

Роль аналитиков-пропагандистов, «завоевателей идей» известна и хорошо просматривается в деятельности американских СМИ, правительственных и неправительственных организаций, ведущих «мозговых центров» США [Америка в фокусе российских исследователей 2014: 258–316; Истомин 2015]. В годы «холодной войны» искусство пропаганды в США было доведено до очень высокого уровня. Накопленный опыт сохраняется до сих пор и продолжает совершенствоваться, но уже с использованием самых передовых технологий. Небезынтересно обратиться к отдельным работам, написанным в 1960–1970-х годах, в разгар «холодной войны», так как они помогают лучше понять современную политику Соединенных Штатов и проблемы в российско-американских отношениях.

Уже тогда отдельные авторы демонстрировали обеспокоенность в связи с тем, что, по их наблюдениям, СССР начинал превосходить американскую пропаганду, представляя более качественные материалы о своей стране. Между тем публикации, ис-

ходившие из недр американских ведомств, отличались примитивностью и создавали неверный образ Соединенных Штатов, которые позиционировали себя как оплот демократии и тех идеалов, о которых могли лишь мечтать жители других стран, особенно социалистических.

Например, авторы книги «Завоеватели идей», сравнивая американскую и советскую пропаганду, писали, что снижение качества информационных материалов о США может привести к утрате их гегемонии в информационном вещании. Отмечалось, что в советских материалах было больше значимой информации, рассчитанной не на примитивный, а на высокий интеллектуальный уровень слушателя и зрителя [The Idea Invaders 1963: 140]. В ответ на этот вызов президент Эйзенхауэр принял решение о выделении огромных средств на внешнюю культурную политику (в частности, на выставки), для улучшения образа Америки за рубежом [The Idea Invaders 1963: 153].

И в настоящее время Соединенные Штаты вкладывают огромные средства, используют все возможные каналы распространения информации и пропаганды, не отказываются от широкомасштабной разведывательной деятельности, чтобы поддерживать свое преобладающее положение в информационном пространстве, в оказании влияния на умы граждан всех стран мира. То, что это целенаправленная государственная политика — не новость. С середины XX века написано немало работ на эту тему³.

Как отмечал американский ученый Дж. Гербнер, «... вопрос не в том, свободны ли органы массовой информации, а в том, кем, как, с какой целью и с какими последствиями осуществляется неизбежное управление ими» (Цит. по Шиллер 1980: 39). Между тем очень часто свобода печати в США преподносится как абсолютная, как эталон, особенно когда ее сравнивают с ситуацией в других странах. При этом ак-

³ См., например, [Современное политическое сознание США 1980; Schesinger 1974; Halperin, Clarr 2006].

тивное участие в осуществлении информационной политики и в годы «холодной войны», и сейчас принимают крупнейшие корпорации, мощная государственная бюрократия и «военные ведомства с их постоянной потребностью в пропаганде постоянной угрозы внешней или внутренней безопасности» [Шиллер 1980: 195].

Как отмечал авторитетный специалист в области средств массовой информации Г. Шиллер, уже в июне 1944 г. члены влиятельного Американского общества редакторов газет приняли резолюцию, призывавшую две главные политические партии поддержать «глобальную свободу информации и неограниченную передачу новостей по всему миру». Впоследствии американские предложения обсуждались на заседаниях ООН и ЮНЕСКО. Хотя они не были приняты безоговорочно странами-участницами этих организаций, американское правительство начало в полном объеме реализовывать основанную на них стратегию в информационной сфере. Признавая для себя полную свободу, США не считают аналогичные права приемлемыми для других стран. За информацией из России и по России такая свобода не признается. Г. Шиллер отмечал, что вопрос контроля над содержанием звучал крайне редко (если вообще когда-либо звучал) в официальных американских заявлениях о желательности свободного потока информации. Когда этот вопрос поднимался, он отвергался как посягательство на свободу и введение цензуры [Шиллер 1980: 230–237].

Тем не менее цензура на внутреннюю и внешнюю информацию существует и действует весьма эффективно. Сегодня, когда США обладают самой мощной информационной машиной и почти неограниченными возможностями в реализации политики мирового гегемона, вопрос о содержании, характере и направленности информационного воздействия и манипуляции сознанием людей в разных уголках мира приобретает в этой стране особую актуальность [Глобальная безопасность в цифровую эпоху 2014; Смирнов, Кохтю-

лина 2012]. Все основные постулаты манипулирования общественным сознанием остались прежними, сохранился аппарат, но масштабы и технологические возможности существенно возросли.

Не меньшая, а может, и более значительная роль принадлежала и принадлежит представителям научно-исследовательского сообщества, занимающихся обеспечением внешней политики США. В их задачу входит разъяснение политики страны, распространение и популяризация основных идей и концепций, лежащих в ее основе, в оценке действий администраций. СМИ часто черпают информацию от экспертов из научно-исследовательских центров, у которых есть своя хорошо отлаженная система распространения аналитических и прогностических материалов.

После роспуска Советского Союза России стало трудно конкурировать с США в информационной сфере, и хотя потенциал восстанавливается, процесс идет весьма медленно и неровно. Но даже это медленное наращивание информационного влияния рассматривается в США (да и в ЕС) как угроза, требующая незамедлительного ответного действия. Оно исходит как от СМИ, так и от «мозговых центров», которые помимо постоянной критики «всего и всегда», внедряют различные сценарии развития ситуации в России, вокруг России и в мире. Очень много пишется о возможной войне – население психологически подготавливают к этой неизбежности.

Воинственные сценарии стали очень популярными в 2000-х годах, когда США «вступили на тропу войны» при администрации Дж. Буша-младшего. Впоследствии при администрации Б. Обамы они перешли от горячих вооруженных конфликтах в отдельных странах к холодной информационной (и даже психологической) войне [Америка в фокусе российских исследователей 2014: 127–142]. Такой поворот в деятельности американских информационных и аналитических ведомств ознаменовал собой новый виток соревнования «за умы и сердца» в русле тех принципов, которые

были разработаны и апробированы в годы «холодной войны».

Между тем в 1990-х годах специалисты по-другому смотрели на Россию, предлагая иные сценарии: не распада страны, а ее реформирования. Так, известный американский политолог и историк Д. Ергин и экономист Т. Густафсон опубликовали книгу «Россия: двадцать лет спустя. Четыре сценария». Предложенные авторами варианты развития страны недостаточно структурированы и систематизированы, но они во многих своих выводах и прогнозах сбылись. Главная особенность работы в том, что Д. Ергин и Т. Густафсон верили в позитивный, с точки зрения интересов Москвы и Вашингтона, процесс реформирования России, хотя не исключали вероятности конфронтационности в отношениях двух стран.

Д. Ергин верно отмечал, что даже после распада СССР Россия остается крупнейшей страной в мире, а ее геостратегическое положение и военная мощь гарантируют ей позиции одного из главных участников событий в Европе и Азии. Вместе с тем, по его мнению, сфера деятельности РФ будет ограничена, так как она утратила глобальность своей политики (и миссии), и «не имеет воли к участию в делах всего мира». Действительно, в 1993 году, когда писалась книга, такое суждение могло показаться обоснованным. Но исторические парадигмы развития великих держав трудно сломать, и российское государство в этом смысле не исключение. Главное состоит в том, что авторы верно зафиксировали тренд возврата великодержавности (обозначив этот сценарий как «Русский медведь»).

Подобный образ России весьма прочно закрепился в американском и в целом в западном лексиконе. Такое положение представляется еще одним свидетельством того, что вне зависимости от своей исторической ипостаси (Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация), она видится как серьезная, но неконструктивная сила. Медведю приписывается агрессивность, грубость, склонность к разруше-

нию, а значит, он несет постоянную угрозу. Не случайно, в публикациях последних лет именно этот термин вновь возвращен России, вместе с возобновлением давления и противодействия [Баталов, Журавлева, Хозинская 2009].

Верным оказался прогноз Д. Ергина–Т. Густафсона и относительно отношений России с бывшими советскими республиками. Они отмечали, что эта группа очень неоднородна, и предполагали, что отношения между Россией и некоторыми из них останутся напряженными. В то же время отдельные страны ощутят необходимость в более тесной экономической и политической интеграции с Москвой. Аналитики указали на то, что на Украине и в странах Балтии сохранится потенциал возникновения взрывоопасной обстановки. Было высказано сценарное предположение, что в результате конфронтации между Киевом и Москвой Крым и восток Украины войдут в состав России [Ергин, Густафсон 1995: 166, 221, 234].

Авторы посчитали, что в случае реализации сценария «Русский медведь» возможно возникновение разногласий между США и их европейскими союзниками (особенно Германией) в отношении России. В то время такие предположения представлялись обоснованными, так как еще до конца не проявились российско-американские разногласия по расширению НАТО, не было консенсуса между участниками альянса и даже внутри Соединенных Штатов. Последующее развитие событий продемонстрировало тесное единение позиций США и стран Европы (расхождения относительно войны в Ираке в 2003 году представляются редким исключением).

В отношении России такой консенсус, затрудняющий реализацию российской политики, противоречащий ее интересам, создающий угрозы ее безопасности, оказывается практически непоколебимым. Между тем Д. Ергин и Т. Густафсон прогнозировали, что Западу координация действий и сотрудничества «необходимы для того, чтобы помочь России совершить триеди-

ный переход в XXI век» [Ергин, Густафсон 1995: 244].

Речь в данном случае идет о специалистах, которые, в отличие от своих коллег, хорошо знают Россию, часто бывают в стране, не прекращают сотрудничества с ней. Тем не менее их анализ и выводы не получили должного внимания со стороны американского руководства. В частности, не было поддержано предложение, которое звучало в 1990-х годах в публикациях и других специалистов по России: «Для того чтобы быть партнером Запада, России следует стать членом его клуба. Запад должен принять в него Россию, не дожидаясь, пока она станет “лучшим” или “более удобным” партнером. Он не может превращать перспективу сотрудничества в награду за хорошее поведение. ... Западу приходится констатировать, что его возможности по решению проблем России ограничены; к тому же единства в этом вопросе нет». Этот совет американское правительство полностью проигнорировало. Произошло как раз то, против чего предостерегали специалисты: «Момент критический: еще немного – и начнется окостенение политики, подходов и союзов. Мы переживаем период, который историк назвал “одним из чувствительных моментов истории”» [Ергин, Густафсон 1995: 274–275].

Несмотря на наличие качественных аналитических разработок, более реалистичный, конструктивный и мирно-дипломатический взгляд на Россию и российско-американские отношения сменился иным подходом, который продемонстрировали и демократы периода Б. Обамы, и консерваторы-республиканцы периода Дж. Буша-младшего. Подобное совпадение во взглядах внутри американского истеблишмента еще раз доказывает, что ради сохранения гегемонии и глобальной миссии основные политические силы США неизменно объединяются.

З

Тема милитаризации американской международной стратегии в новом столетии нечасто, но то и дело поднималась

различными авторами, предостерегавшими американское правительство от обольщения силой и могуществом. Они выступали против глобального использования военной силы во имя выполнения особой миссии Соединенных Штатов.

Особого внимания заслуживают работы Эндрю Басевича, в прошлом кадрового военного, сделавшего впоследствии успешную академическую карьеру. В своих работах он обращает внимание на идейное сближение представителей обеих правящих партий, либералов и консерваторов, которое основывается на идеях исключительности Америки, универсальности американских ценностей и миссии США утвердить их во всем мире, сделать общими для всех. В процессе «сползания к милитаризму», как отмечает Э. Басевич, не появилось ни одной крупной политической фигуры, которая бы выступила против этой тенденции или хотя бы обратила внимание на необходимость еще раз его обдумать.

Показателен пример кандидата в президенты США от Демократической партии в 2004 г. Дж. Керри, который обращал внимание не на пагубность избранной командой Дж. Буша стратегии «глобальной войны против террора», а на то, как эта война велась. Он, в частности, отмечал, что «американские военные, участвовавшие в военной кампании в Ираке, были недостаточно подготовлены и не получили необходимого количества вооружений, чтобы добиться успеха». Дж. Керри в этой связи объявлял, что поддержание военной мощи и боевой готовности американских войск – главный приоритет [Bacevich 2005: 15]. В этой связи сегодня вряд ли стоит доверять заявлениям уже госсекретаря Керри относительно стремления США к мирному урегулированию конфликтов.

Вопрос о том, правы или неправы американцы в стремлении выполнить возложенную на них ими же самими миссию, остается предметом дискуссий. Главное, что волнует критиков международной деятельности США – методы реализации их политики. Э. Басевич обратил внимание на то, что

в последние десятилетия в США сформировалось новое восприятие вооруженных конфликтов: война сравнивается с хирургической операцией, совершается в стиле постмодерна, как нечто виртуальное. Иными словами, она преподносится как бескровное столкновение, в ходе которого цели достигаются благодаря применению новых видов высокоточного оружия и информационных технологий [Америка в фокусе российских исследователей 2014: 127–142]. Профессор Гарвардского университета М. Игнатъев писал, что война превратилась «в спектакль», «спортивное зрелище». При этом более всего превозносят войну те, кто в военных кампаниях не участвует, и чьи дети в ней также участвовать не будут (Цит. по: Vascevič 2005: 14, 20, 28).

Э. Басевич и те немногие авторы, которые не склонны идеализировать военные методы, уверены, что США не следует демонстрировать свою монополию на новые методы ведения вооруженной борьбы, представлять военный конфликт как нечто эстетически приемлемое и заслуживающее уважения. В частности, генерал Т. Фрэнк прямо заявил, что «американских командиров ждет судьба Олимпийских Богов Гомера» (Цит по: Vascevič, 2005: 22)⁴.

Воинственные заявления американских лидеров настораживают, тем более что военные операции ведутся далеко от границ США и не наносят им прямого ущерба. Зато большинство стран Евразии (в том числе Россия и государства-члены ЕС) находятся в непосредственной близости от разворачивающихся военных операций и пожинают плоды новых разновидностей локальных войн.

Милитаризованная политика Соединенных Штатов планировалась как долгосрочная череда «крестовых походов». Она порождает не столько столкновение идей, сколько интересов Америки по преобразованию мира и самого этого мира, который не согласен с действиями США и не готов к унификации. Неизвестно, как долго на-

селение США готово будет поддерживать воинственную политику. Тем не менее в условиях, когда политическая элита целенаправленно «приучает» американцев к идее перманентной войны, успешно сформирован образ врага и в соответствующий дискурс вовлечены и СМИ, и «мозговые центры», и политики, трудно ожидать существенного изменения во внешнеполитическом курсе США. Тем более что между демократами и республиканцами большой разницы в этом вопросе не просматривается. Заявляющая о своем желании участвовать в президентской гонке 2016 г. Х. Клинтон неизменно поддерживала военные кампании, настроена жестко и воинственно.

Мишенью американской политики избрана Россия. Антироссийские настроения прочно укоренились у американской политической элиты, и в тот момент, когда потребовался новый импульс для поддержания «крестовых походов», было легче всего использовать хорошо отработанные методы и проторенные пути. В каком-то смысле на руку американским русофобам пришлось и то, что Россия продолжает наращивать свои позиции и не перестает призывать к миру, к компромиссу, диалогу, учету интересов разных игроков, невмешательству во внутренние дела стран, то есть активно не соглашается с американской концепцией глобального управления.

* * *

Нередко сценарии, казавшиеся несбыточными, становятся реальностью или очень близко подходят к ней. В этой связи следует внимательно отнестись тому, что писали и пишут американские «фантасты» — представители экспертного сообщества. Население начинает привыкать и к воинственной риторике, и к идее американского универсального права, и к оправданию новых типов войн и конфликтов. Но только не в России, которая пережила многие войны на своей территории.

⁴ Идею нового американского милитаризма и американского кредо Э. Басевич развил в других своих работах [Vascevič 2009; 2010].

Российский информационный ответ должен быть направлен не на усиление страхов, а на развенчание идеи любой войны, даже если она ведется современным высокоточным оружием. Именно такую миссию может взять на себя Россия и те страны, которые сейчас объединяются вокруг нее в евразийских интеграционных структурах, включая ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. Расширение этих объединений способно создать влиятельную платформу для продвижения стратегии мира. Ведущая роль в ней может принадлежать России и КНР, которые обладают достаточным потенциалом, для того чтобы отстаивать альтернативный западному сценарий международного развития.

События, происходящие в мире в области безопасности и экономики подтверждают, что в процессе реализации модели мироустройства, проталкиваемой США, ЕС и НАТО, наметился застой или даже кризис. Главная задача состоит в том, чтобы перейти к новому глобальному порядку мирно. В еще недавней истории вопросы изменения международной системы решались в ходе больших войн. Нужно ли сохранять эту парадигму? Судя по сценарным разработкам американских авторов, США от нее не отказываются. Поддерживают их и многие страны, желающие в ходе общей дестабилизации и вооруженных конфликтов решить свои индивидуальные задачи.

В одном из последних аналитических докладов Центра стратегических и международных исследований «Проект Атом. Стратегические подходы к определению ядерной стратегии США и состояния ядерных сил на 2025–2050 годы» отмечается, что «США необходимо ликвидировать отставание от России в тактических ядерных вооружениях». Тезис об отставании США, военный бюджет которых остается самым большим в мире и продолжает расти, регулярно звучал в годы «холодной войны» и

продолжает использоваться разными администрациями, чтобы оправдать и военные расходы, и проведение операций за рубежом. Силы стратегического сдерживания и силы сдерживания передового базирования призваны обеспечить безопасность США и их союзников.

На период до 2050 г. основными направлениями развития ядерных сил Соединенных Штатов объявлены: достижение паритета с Россией и поддержание ядерного превосходства над КНР и сохранение достаточной способности для противодействия региональным «странам-изгоям», имеющим ядерное оружие. Указывается, что такие меры обоснованны и необходимы в XXI веке, так как оппоненты Америки (под ними понимаются прежде всего Россия и КНР) могут обратиться к наращиванию своих ядерных сил, чтобы компенсировать отставание от США по обычным вооружениям⁵.

Из поля зрения американских гражданских и военных стратегов при этом выпадает тот факт, что после окончания «холодной войны» Россия долгое время не стремилась к наращиванию своего военного потенциала, добивалась продолжения совместных с США и ключевыми странами ЕС усилий по сокращению арсеналов и снижению опасности вооруженных конфликтов. Именно милитаризация внешнеполитической деятельности США и государств-членов НАТО, операции 1990-х годов и 2000-х годов подтолкнули другие страны к повышению своей обороноспособности, а отдельных игроков – к разработке собственного ядерного оружия. Не прочь его получить и новые сетевые негосударственные субъекты.

Задача России и ее союзников, прежде всего КНР, переломить тренд милитаризации мировой и региональной политики. Главный вопрос: какой формат ответа выбрать. Самым перспективным может стать сочетание политико-дипломатических

⁵ Project Atom. A Competitive Approach to Defining U.S. Nuclear Strategy and Posture for 2025–2050. A Report of the CSIS International Security Program. May 2015. URL: www.csis.org/files/publication/150601_Murdock_ProjectAtom_web.pdf

действий и эффективного военно-политического взаимодействия в решении задач обеспечения безопасности обеих держав и приграничных регионов, так или

иначе вовлеченных в евразийские интеграционные процессы и заинтересованных в создании прочной региональной системы безопасности.

Список литературы

- Америка в фокусе российских исследователей. История и современность. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Издательство МГИМО – Университета, 2014. – 416 с.
- Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.
- Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. – М.: РОССПЭН, 2005. – 376 с.
- Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. М.: Прогресс–Традиция, 2009. – 384 с.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014.– 287 с.
- Глобальная безопасность в цифровую эпоху. Стратегемы для России. Под общей редакцией А.И. Смирнова. М.: ВНИИгеосистем, 2014. 392 с.
- Ергин Д., Густафсон Т. Россия двадцать лет спустя. Четыре сценария. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1995. – 288 с. (Первое издание книги на англ. языке вышло в 1993 г.)
- Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. №1. С. 111–127
- Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: НИИГлоб, 2012. 251 с.
- Современное политическое сознание в США. Отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. М.: Наука, 1980. 446 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012.
- Шейдина И.Л. США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М.: Наука, 1973 – 192 с.
- Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. Пер. с англ. науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. – 326 с.
- Abelson D.E. A Capitol Idea. Think Tanks and US Foreign Policy. Montreal & Kingston: McGill Queen's University Press, 2006. – 367 p.
- Allison R. Russia, the West & Military Intervention. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 308 p.
- Bacevich A.J. The Limits of Power. The End of American Exceptionalism. N.Y.: Metropolitan Books, 2009. 213 p.
- Bacevich A.J. The New American Militarism. How Americans Are Seduced by War. N.Y.–Oxford: Oxford University Press. 2005. – 270 p.
- Bacevich A.J. The Washington Rules. N.Y.: Metropolitan Books, 2010. 236 p.
- Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan (eds.). N.Y.: Bloomsbury, 2013. – 241 p.
- Gordon G.N., Falk I., Hodapp W. The Idea Invaders. N.Y.: Hastings House, Publishers, 1963. 256 p.
- Friedman G. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Anchor Books, 2009. 253 p.
- Halperin M.H., Clapp P.A. Bureaucratic Politics and Foreign Policy. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2006. 400 p.
- Khanna P. The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. N.Y.: Random House, 2009. 466 p.
- Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C.: CSIS, 2007. – 60 p.
- Moyo D. How the West Was Lost. Fifty Years of Economic Folly and the Stark Choices Ahead. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. – 226 p.
- The New Russian Foreign Policy. Ed. by M. Mandelbaum. N.Y.: A Council on Foreign Relations, 1998. 342 p.
- Russia after the Fall. Andrew C. Kuchins, ed. Washington, D.C.: CEIP, 2002. – 324 p.
- Russian Foreign Policy in the 21st Century & the Shadow of the Past. Ed. by R. Legvold. N.Y.: Columbia University Press, 2007. – 534 p.
- Schlesinger Jr. A.M. The Imperial Presidency. N.Y.: Popular Library, 1974. 541 p.
- Stent A.E. The Limits of Partnership. U.S. – Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2015. – 394 p.
- Worldviews of Aspiring Powers. Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Iran, Japan, and Russia. Ed. by Henry R. Nau and Deepa M. Ollapally. Oxford: Oxford University Press, 2012. – 242 p.

SCENARIOS OF RUSSIA'S FUTURE IN AMERICAN EXPERTS' ASSESSMENTS

VASILY SHAKLEIN

Institute for USA and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 123995, Russia

Abstract

Twenty-five years after the end of the “Cold War” the future world order remains the main topic of expert debate in International Relations. Though, the concept of a polycentric world order is supported by multiple states, the United States and its NATO allies adhere to a unipolar vision of the world. Therefore, they attempt to consolidate their privileged position in international politics. Their activities have brought about rather vivid and controversial results: various countries, which were affected by American interventions are in disarray. They have lost all opportunity to become active participants in regional affairs to say nothing about world politics. Their future development is programmed by the U.S. and its European partners. Russia remains in the focus of American policy as it strives to sustain its Great Power status and attempts to establish a regulated and stable system of interstate relations around its borders. One of the key issues in this regard is security. American policy in some Post-Soviet countries caused political, social and economic instability and even crises.

The growth of the military activity of the United States and NATO is accompanied by publications of American ‘think tanks’ and experts who are eager to justify the unilateralist policies of the West. They even envision scenarios in which the world is depicted without active and potent Russia. The author analyzes some of these scenarios and tries to explain why they are suggested and actively promoted. It also seeks to formulate an alternative agenda for Russian foreign policy, which could reverse the current confrontational trend in international politics.

Keywords:

Russia, the United States, militarization of American policy, world order, new wars, propaganda, political forecasting, think tanks

References

- Abelson D.E. (2006). *A Capitol Idea. Think Tanks and US Foreign Policy*. Montreal & Kingston: McGill Queen's University Press. 367 p.
- Allison R. (2013). *Russia, the West & Military Intervention*. Oxford: Oxford University Press. 308 p.
- Bacevich A.J. (2005). *The New American Militarism. How Americans Are Seduced by War*. N.Y.–Oxford: Oxford University Press. 270 p.
- Bacevich A.J. (2009). *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. N.Y.: Metropolitan Books. 213 p.
- Bacevich A.J. (2010). *The Washington Rules*. N.Y.: Metropolitan Books. 236 p.
- Batalov E.Ya. (2005). *Mirovoe razvitiye i mirovoj porjadok* [Global Development and Global Order]. Moscow: ROSSPEN. 376 p.
- Batalov E.Ya. (2009). *Russkaya idya i Americanskaya mechta* [Russian Idea and American Dream]. Moscow: Progress–Traditsiya. 384 p.
- Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Khozinskaya K.V. (2009). “Rychaschij Medved” na “dikom Vostoke” [‘Growling Bear’ in the ‘Wild East’]. Moscow: ROSSPEN. 384 p.
- Friedman G. (2009). *The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century*. N.Y.: Anchor Books. 253 p.
- Gordon G.N., Falk I., Hodapp W. (1963). *The Idea Invaders*. N.Y.: Hastings House, Publishers. 256 p.
- Halperin M.H., Clapp P.A. (2006). *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, D.C.: The Brookings Institution. 400 p.
- Istomin I.A. (2015). Vneshnepoliticheskaya ekspertiza v SSHA [Foreign Policy Expertise in the USA]. *Sravnitel'naya Politika*. No. 1. P. 111–127
- Khanna P. (2009). *The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. N.Y.: Random House. 466 p.

- Kuchins A. (2007). *Alternative Futures for Russia to 2017*. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C.: CSIS. 60 p.
- Kuchins A. (ed) (2002). *Russia after the Fall*. Washington, D.C.: CEIP. 324 p.
- Legvold R. (ed.) (2007). *Russian Foreign Policy in the 21st Century & the Shadow of the Past*. N.Y.: Columbia University Press. 534 p.
- Mandelbaum M. (ed.) (1998). *The New Russian Foreign Policy*. N.Y.: A Council on Foreign Relations. 342 p.
- Moyo D. (2011). *How the West Was Lost. Fifty Years of Economic Folly and the Stark Choices Ahead*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 226 p.
- Nadkarni V., Noonan N.C. (eds.) (2013). *Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries*. N.Y.: Bloomsbury. 241 p.
- Nau H.R., Ollapally D.M. (eds.) (2012). *Worldviews of Aspiring Powers. Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Iran, Japan, and Russia*. Oxford: Oxford University Press. 242 p.
- Schlesinger Jr. A.M. (1974). *The Imperial Presidency*. N.Y.: Popular Library, 1974. 541 p.
- Shakleina T.A. (2012). *Rossiya i SSHA v mirovoj politike* [Russia and the USA in World Politics]. Moscow: Aspekt Press. 272 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2014). *Amerika v fokuse rossijskikh issledovatelej. Istoriya i sovremennost'* [America in the Focus of Russian Scholars. History and Current Issues]. Moscow: MGIMO University. 416 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2014). *Vvedenie v prikladnoj analiz mehdunarodnykh situatsij* [Fundamentals of the Applied Analysis of International Issues]. Moscow: Aspekt Press. 287 p.
- Shejdina I.L. (1973). *SSHA: "fabriki mysli" na sluzhbe strategii* [USA: Think Tanks' Contribution to the Strategy]. Moscow: Nauka. 192 p.
- Shiller G. (1980). *Manipulyatory soznaniem* [Manipulators of Consciousness]. Moscow: Mysl'. 326 p.
- Smirnov A.I., Kokhtyulina I.N. (2012). *Global'naya bezopasnost' i "myagkaya sila 2.0": vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Global Security and "Soft Power 2.0": Challenges and Opportunities for Russia]. Moscow: NIIGlob. 251 p.
- Smirnov A.I. (ed.) (2014). *Global'naya bezopasnost' v tsifrovuyu epokhu. Stratagemy dlya Rossii* [Global Security in the Digital Age. Stratagems for Russia]. Moscow: VNIIGeosistem. 392 p.
- Stent A.E. (2015). *The Limits of Partnership. U.S. – Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press. 394 p.
- Yergin D., Gustafson T. (1995). *Rossiya dvadtsat' let spustya. Chetyre stseneriariya* [Russia in Twenty Years. Four Scenarios]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 288 p.
- Zamoshkin Yu.A., Batalov E.Ya. (eds). (1980). *Sovremennoe politicheskoe soznanie v SSHA* [Current Political Thinking in the USA]. Moscow: Nauka. 446 p.